

Отчетъ получившаго порученіе изучить ногайское нарѣчіе студента фак. вост. язык. Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Николая Бравина.

Будучи отправленъ въ Крымъ для ознакомленія съ ногайцами и ихъ языкомъ, я немедленно по прибытіи на мѣсто, въ первыхъ числахъ мая, приступилъ къ собиранію свѣдѣній путемъ наведенія справокъ и опроса мѣстныхъ жителей, какъ представителей администраціи, такъ и лицъ изъ народа, предпочитая татаръ и караймовъ. Большинство отзывалось полнымъ незнаніемъ, или же указывало на извѣстную эмиграцію 60-хъ годовъ, когда будто бы всѣ крымскіе ногайцы поголовно ушли въ Анатолю. Только немногіе предположительно высказывались о существованіи остатковъ ногайцевъ въ предѣлахъ Крыма, но и они всѣ расходились при попыткахъ получить точныя указанія: одни давали направленіе — Карасубазаръ - Старый Крымъ - Керчь, другіе — Бахчисарай - Евпаторія, третьи — Перекопскій и Мелитопольскій уѣзды.

Всѣ эти свѣдѣнія были собраны мною въ Симферопольскомъ уѣздѣ, и только случай удержалъ меня отъ послѣдовательной провѣрки всѣхъ данныхъ указаній. Мнѣ удалось найти ногайца въ Симферополѣ. Это былъ старикъ 68 лѣтъ, потерявшій свои передніе зубы, низкаго роста, узкоглазый, рѣзко отличающійся отъ обыкновеннаго типа татаръ. По русски онъ совершенно не говорилъ и былъ, къ сожалѣнію, большимъ пьяницей. Большая часть моей работы (переводъ ногайскаго отдѣла изъ VII т. «Нарѣчій сѣверныхъ тюркскихъ племенъ» В. Радлова) была сдѣлана при его участіи. Занятія велись въ кофейнѣ, при которой онъ служилъ дворникомъ, и состояли въ томъ, что я читалъ ногайскій текстъ, а онъ давалъ мнѣ объясненія по-татарски, которыя я уяснялъ при помощи многочисленныхъ добровольныхъ помощниковъ изъ посѣтителей кофейни. Этотъ ногаецъ оказался уроженцемъ деревни Когени-Кіятъ, Перекопскаго уѣзда, той самой, гдѣ были собраны матеріалы, вошедшіе въ VII т. сочиненія В. Радлова, много зналъ навзустъ и при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ я засталъ его, могъ бы быть хорошимъ помощникомъ. По его указанію, я предпринялъ поѣздку въ Ко-

генни-Кіять, гдѣ дѣйствительно нашель ногайцевъ. Нынѣшнюю деревню можно назвать Новымъ Когенни-Кіятоуъ, такъ какъ коренной Когенни-Кіять, лежавшій верстахъ въ двухъ отъ теперешняго, года 3—4 тому назадъ былъ проданъ нѣмцамъ-колонистамъ, которые его распахали. Та же участь должно быть постигла теперь и новое поселеніе, такъ какъ въ мой пріѣздъ сюда въ концѣ минувшаго іюля ногайцы опять продали свою землю и все хозяйство, собираясь выѣхать въ Турцію. Этотъ отъѣздъ, какъ я узналъ позднѣе, послѣдовалъ въ началѣ августа. При мнѣ во всей деревнѣ едва ли набралось бы болѣе 20—25 дворовъ. Изъ жителей типичными ногайцами можно было назвать только 5—6 стариковъ, остальные ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ крымскихъ татаръ и имѣли весьма слабыя понятія о своемъ языкѣ, вполнѣ свободно и даже охотнѣе объясняясь по-татарски или же по русски съ сильной примѣсью малорусскихъ словъ и выраженій. Такъ какъ всѣ были сильно озабочены и заняты предстоящимъ отъѣздомъ, мнѣ не удалось извлечь ничего интереснаго, кромѣ мелкѣхъ поправокъ и дополненій къ уже сообщенному моимъ симферопольскимъ ногайцемъ. Ногайцы Когенни-Кіята, вспоминая свои лучшіе дни, высказывались за безусловное отсутствіе ногайцевъ въ Крыму, считая себя послѣдними представителями, и указали на Петровскую волость Ставропольской губерніи, гдѣ по ихъ мнѣнію еще можно найти остатки ихъ племени. Они же отклонили меня отъ поѣздки въ другую крымскую коренную ногайскую деревню, Чужакъ, близъ Сиваша, жители которой также собрались покинуть Крымъ. Вернувшись въ Симферополь, я узналъ, что и мой помощникъ рѣшилъ прямкнуть къ своимъ выѣзжающимъ сородичамъ.

Такимъ образомъ теперь ногайцевъ въ Крыму нѣтъ, но языкъ ихъ живетъ еще среди мѣстныхъ жителей. Отъ лицъ, такъ или иначе имѣвшихъ отношеніе къ ногайцамъ, и теперь можно услышать не только отдѣльныя ногайскія слова, а и отрывки пѣсенъ или разсказовъ, но для этого надо ждать какой-нибудь случайной встрѣчи.

За время своего пребыванія въ Крыму, съ 13-го мая по 4-е августа минувшаго лѣта, кромѣ ногайскаго отдѣла, я перевелъ еще татарскій отдѣлъ, а также загадки и пословицы изъ «Меджумъ» VII т. сочиненія В. Радлова, собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія о ремесленныхъ цехахъ Бахчисарая, тамъ же записалъ нѣкоторыя формулы возгла-

совъ деляловъ (глашатаевъ) и сдѣлалъ нѣсколько фотографическихъ снимковъ съ подписей въ ханскомъ дворцѣ и на кладбищѣ при немъ. Переводъ татарскаго отдѣла, загадокъ и пословицъ сдѣланъ главнымъ образомъ въ Бахчисараѣ въ разное время и съ разными лицами. Многія мѣста читаны нѣсколько разъ и снабжены примѣчаніями, вариантами и разночтеніями къ тексту. Значительная часть прочитаннаго въ Бахчисараѣ провѣрена позднѣе въ Симферополѣ. Всѣ собранные матеріалы сданы мною г-ну члену Комитета проф. П. М. Меліоранскому.

Студ. Н. Бравинъ.

Отчетъ о командировкѣ къ кара-калпакамъ студента С.-Петербургскаго Императорскаго Университета Ивана Александровича Бѣляева.

Имѣю честь представить въ Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азіи краткій отчетъ о своихъ работахъ по изученію кара-калпакскихъ нарѣчій:

Въ городѣ Петро-Александровскѣ собраны архивныя свѣдѣнія и рассказы мѣстныхъ киргизовъ о кара-калпакахъ.

Въ Нукусѣ записаны 30 пословицъ и отрывки изъ поэмы «Баба-Рэвшанъ».

Въ Чимбаѣ и его окрестностяхъ собраны пословицы (40), «разговоры» кара-калпакскихъ юношей съ дѣвками и три большія былины, изъ коихъ одна воспѣваетъ Чингизъ-хана.

Въ Кунградѣ — пѣсни, прибаутки и т. п.

У береговъ Аральскаго моря приобрѣтена пѣснь-разсказъ о происхожденіи кара-калпакскихъ родовъ.

Наконецъ, на границѣ Кызылъ-кумской степи занисана дѣтская пѣснь.

Весь матеріалъ записанъ мусульманскими буквами и имѣетъ транскрипцію, составленную мною по руководствамъ, указаннымъ профессоромъ П. М. Меліоранскимъ.

Студентъ Иванъ Бѣляевъ.